

37. 56. 7. 563.

Ив. Павловъ

ОЧИСТКА

ЧЕЛОВѢЧЕСТВА

Книгоиздательство
«Возрожденіе».

Цѣна 5 коп.

МОСКВА.
Типографія Н. А. Стрельманъ. Рождество
1907.

6.

«Если нечестивый будет покланяться, то не научится онъ правдѣ,—будетъ злодѣйствовать въ землѣ правыхъ». (Исаія, XXVI, 10).

«И будетъ на всей землѣ, говоритъ Господь, двѣ части на ней будутъ истреблены, вымрутъ, а третья останется на ней. И введу эту третью часть въ огонь и расплавию ихъ, какъ плавить серебро, и очищу ихъ, какъ очищаютъ золото; они будутъ призывать имя Мое, и Я услышу ихъ и скажу: это—Мой народъ, и они скажутъ: Господь—Богъ мой».

(Захарія, гл. 13, ст. 8—9).

1.

Мы говоримъ «человѣкъ», «человѣчество», «человѣческая личность» и т. д.; это, безспорно, полезные термины, которые надо пускать въ ходъ, радѣя о развитіи солидарности, симпатіи, вообще социальныхъ чувствъ.

Однако же, не мѣшаетъ помнить, что эти слова выражаютъ собою только благое пожеланіе, а не реальный фактъ,—что подъ ними скрывается фикція, ошибочное представленіе о людяхъ, какъ существахъ настолько однородныхъ, что они могли бы быть солидарны между собою,—и будутъ солидарны, когда развитіе культуры достаточно подвинется впередъ.

Этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ человѣчество состоитъ изъ существъ различной природы, развитіе которыхъ совершается въ различномъ, часто діаметрально противоположномъ направленіи, такъ что они могутъ только изводить другъ друга, при какихъ бы то ни было условіяхъ и на какой бы то ни было ступени развитія культуры... Имъ вмѣстѣ нельзя жить на землѣ!

Говоря это, я не имѣю въ виду различныхъ физическихъ расъ, устанавливаемыхъ антропологической наукой.

Антропологи различаютъ много расъ; напр., въ европейскомъ населеніи по меньшей мѣрѣ три: высокорослый, длиноголовый блондинъ (*Homo europaeus*, «аріецъ»), малорослый, круглоголовый брюнетъ (*Homo alpinus*), высокорослый длиноголовый брюнетъ (*Homo mediterraneus*). Онѣ различаются опредѣленными физическими признаками (величина и форма черепа, цвѣтъ волосъ и кожи и мн. др.), передающимися изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе десятковъ или даже сотенъ тысячъ лѣтъ: нѣкоторыя изъ современныхъ расъ существовали уже въ древнюю каменную эпоху со своими характерными признаками и особенностями. Вообще раса, видъ, разновидность не измѣняется: она вымираетъ или выживаетъ, истребляется или истребляетъ—и если мы говоримъ о «превращеніи видовъ», то это лишь вольность языка; на дѣлѣ происходитъ не превращеніе, а вытѣсненіе однихъ формъ другими, вымираніе менѣе приспособленныхъ и выживаніе болѣе приспособленныхъ.

Но «болѣе приспособленные»,—разъ признаки, отъ которыхъ зависятъ ихъ приспособленность, наследственны,—это и есть другая раса (или «мутація», по терминологіи Де-Фриза), по отношенію къ «менѣе приспособленнымъ».

Водворись идеальнѣйшій социалистическій строй, негръ все-таки останется негромъ, бѣлый—бѣлымъ. Это, конечно, не

помѣшаетъ имъ отлично уживаться, потому что физическія расы (расы въ антропологическомъ смыслѣ), какъ таковыя, отнюдь не осуждены на взаимную грызню и истребленіе. Физическія особенности въ этомъ отношеніи безразличны; всѣ же попытки антропологовъ связать физическія особенности расъ съ опредѣленными интеллектуальными и моральными свойствами надо признать неудачными. Физически негръ отличается отъ бѣлаго совершенно опредѣленными, специфическими признаками; это абсолютная разница. Но интеллектуально, — развѣ лишь относительная. Негры отличаются отъ бѣлыхъ болѣе страстнымъ характеромъ; но среди негровъ можно встрѣтить спокойныхъ и сдержанныхъ, среди европейцевъ неудержимо страстныхъ и экспансивныхъ людей. Негры менѣе даровиты; но умный и способный негръ превосходитъ въ этомъ отношеніи глупаго и бездарнаго европейца и т. д. Даже несомнѣнно низшія расы, въ родѣ австралійцевъ и т. п., не представляютъ въ этомъ отношеніи абсолютнаго отличія отъ бѣлыхъ, такъ какъ въ любой европейской націи можно набрать не мало людей, по бездарности, тупоумію и неспособности не уступающихъ самой обиженной въ этомъ отношеніи расѣ. Напротивъ, европейцевъ, обладающихъ физическими признаками негра или австралійца, вы не найдете вовсе (не принимая въ расчетъ, понятное дѣло, метисовъ, какъ окторонъ Пушкинъ или мулатъ Дюма).

Иными словами, дѣленіе на физическія (антропологическія) расы не совпадаетъ съ дѣленіемъ на расы интеллектуальныя и расы моральныя.

Это, однако, вовсе не значить, что различныхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ расъ не существуетъ.

Отберите, скажемъ, изъ русскаго народа тысячу умныхъ и даровитыхъ мужчинъ и таковыхъ же женщинъ; подавляющее большинство ихъ дѣтей будутъ отличатся такими же

свойствами *), передадутъ эти свойства своимъ дѣтямъ и т. д., и т. д. Это раса, характеризующаяся опредѣленными интеллектуальными свойствами.

Отберите, съ другой стороны, тысячу глухихъ, тупоумныхъ и бездарныхъ мужчинъ и таковыхъ же женщинъ,—ихъ потомство унаслѣдуетъ ихъ тупоуміе и ничтожество. Это другая раса, съ другими интеллектуальными признаками.

«Превратиться» одна въ другую эти двѣ расы не могутъ: онѣ могутъ только болѣе или менѣе отравлять существованіе одна другой, хотя въ будущемъ, социалистическомъ обществѣ имъ, быть можетъ, удастся устроиться совмѣстно, не вытѣсняя и не истребляя другъ друга. Во всякомъ случаѣ, это уже гораздо труднѣе, чѣмъ ужиться неграмъ и бѣлымъ.

Но еще важнѣе распадѣніе общества на морально различныя расы. Моральныя свойства—чувства, эмоціи, характеры—важнѣйшія въ социальномъ отношеніи свойства человека: отъ нихъ, главнымъ образомъ, зависитъ связь между людьми. Глухой съ умнымъ могутъ ужиться, если оба хорошіе люди; но злой съ добрымъ, честный съ негодяемъ—никогда. Извѣстная степень моральной разницы дѣлаетъ невозможнымъ совмѣстное сожителство и неизбѣжнымъ взаимное истребленіе или вытѣсненіе.

Между тѣмъ, любая нація представляетъ смѣсь нѣсколькихъ расъ, характеризующихся различными моральными свойствами—расъ, между которыми лежитъ непреодолимая пропасть и совмѣстное существованіе которыхъ до сихъ поръ выражалось взаимнымъ истребленіемъ (не исключительно въ грубомъ смыслѣ непосредственнаго умерщвленія, но, главнымъ

*) Не всѣ до одинаго, потому что адѣсь вмѣшивается вліяніе раньше случавшихся скрещиваній съ глупцами и ничтожествами, свойства которыхъ могутъ проявиться и черезъ поколѣніе (случай атавизма).

образомъ, въ смыслѣ постепеннаго вытѣсненія въ борьбѣ за житейскія блага)—и въ будущемъ не общаетъ ничего другого.

Отберите, съ одной стороны, худшихъ, злѣйшихъ эгоистовъ, съ природенной склонностью къ хищничеству, угнетенію, истязанію людей,—напримѣръ, русскую администрацію, отъ камарилы до низшихъ исполнителей ея велѣній. Ихъ дѣти (подавляющее большинство) будутъ обнаруживать ту же злость, жестокость, подлость, хищность и жадность; ихъ дѣти такъ же и т. д. Это раса, которая морально отличается отъ нашихъ животныхъ предковъ въ худшую сторону; въ ней гнусныя свойства гориллы и оранга прогрессировали и развились до невѣдомыхъ въ животномъ мірѣ размѣровъ. Нѣтъ такого звѣря, въ сравненіи съ которымъ эти типы не показались бы чудовищами.

Съ другой стороны, отберите лучшихъ альтруистовъ, напр., дѣятелей русскаго освободительнаго движенія (типа Балмашевыхъ, Спиридоновыхъ и т. п.). Это опять-таки раса, но уже съ діаметрально противоположными свойствами великодушія, самоотверженія, человѣчности. Она морально отличается отъ нашихъ животныхъ предковъ въ лучшую сторону; въ ней свойства звѣря атрофировались, исчезли.

Какъ видите, это двѣ расы не только совершенно различныя, но и развивающіяся въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, идущія по разнымъ дорогамъ.

И когда мы говоримъ: «человѣчество выше животныхъ въ моральномъ отношеніи»,—то говоримъ, въ сущности, бессмыслицу. Раса Аврамовыхъ, Ренненкамповъ etc. бесконечно ниже животныхъ въ моральномъ отношеніи, раса Спиридоновыхъ, Балмашевыхъ и проч. бесконечно выше. Общаго сужденія, подобнаго вышеприведенному, о человѣчествѣ нельзя высказывать. И въ сущности даже нельзя объединять эти

различные типы подъ однимъ и тѣмъ же видовымъ или хотя бы родовымъ названіемъ.

Если Спиридонова человекъ, то Аврамовъ не человекъ; если онъ человекъ, то она не человекъ. Два эти существа нельзя называть однимъ и тѣмъ же именемъ:—это нарушение элементарнѣйшихъ правилъ научной классификаціи и номенклатуры. Моральныя свойства — важнѣйшія для людей, гораздо болѣе важныя, чѣмъ свойства физическія; и если моральное различіе достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ между Аврамовымъ и Спиридоновой, т. е. размѣровъ болѣе значительныхъ, чѣмъ разница между худшимъ изъ звѣрей и лучшимъ изъ людей, то и разстояніе между ними больше, чѣмъ разстояніе между двумя расами одного и того же вида, больше, чѣмъ разстояніе между двумя видами одного и того же рода... Это существа совершенно различной породы. Между ними нѣтъ связи, не можетъ быть никакихъ нравственныхъ обязательствъ по отношенію другъ къ другу.

И замѣьте, что худшіе — Аврамовы, Ждановы и т. п. — дѣйствительно не признаютъ за собой никакихъ нравственныхъ обязательствъ по отношенію къ лучшимъ: они просто истребляютъ ихъ, какъ таракановъ. Къ сожалѣнію, лучшіе относятся къ худшимъ иначе. Говоря о «человѣческой личности», они готовы распространить это понятіе и на Аврамовыхъ. Они думаютъ, что въ будущемъ обществѣ найдется мѣсто и для нихъ, что будущее общество вообще осуществимо безъ очистки человѣчества отъ такихъ расъ.

II.

Тутъ играетъ большую и вредную роль наивный, старый, все еще не выкуривый наукой, взглядъ на интеллектуаль-

ныя, а въ особенности моральныя свойства, какъ на такія, которыя появляются и исчезаютъ у индивидуумовъ подъ вліяніемъ внѣшней среды,—какъ на свойства «пріобрѣтенныя» или индивидуальныя, а не «прирожденныя» или расовыя. Никто не скажетъ, что съ измѣненіемъ соціального устройства исчезнутъ физическіе признаки негрской расы—темная кожа, шершавые волосы, долихоцефалическій черепъ, толстыя губы и проч.; но большинство, если не всѣ соціальныя реформаторы готовы утверждать, что съ измѣненіемъ соціального устройства исчезнутъ моральныя признаки аврамовской расы (для краткости будемъ употреблять эту фамилію какъ нарицательный терминъ)—жестокость, подлость, хищность и проч. А это такая же нелѣпость, какъ утверждать, что съ измѣненіемъ соціального устройства негры превратятся въ бѣлыхъ или, наоборотъ, бѣлые въ негровъ.

Отчасти, этотъ наивный взглядъ на моральныя свойства объясняется недоразумѣніемъ. Дѣло въ томъ, что исторія культуры, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ-трехъ послѣднихъ столѣтій *), легко можетъ внушить иллюзію моральнаго улучшенія людей. Были пытки, свирѣпыя казни, рабство и проч.; теперь нѣтъ (въ Западной Европѣ) пытокъ, свирѣпыхъ каз-

*) Я говорю «двухъ-трехъ послѣднихъ столѣтій», такъ какъ по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ исторія развитія человѣчества отъ каменнаго вѣка до XV—XVI столѣтія представляетъ скорѣе прогрессивное развитіе всѣхъ формъ жестокости, рабства и угнетенія, чѣмъ «смягченіе нравовъ». Этотъ взглядъ высказывался въ новѣйшее время въ формѣ бѣглыхъ замѣчаній Лапужемъ («*Selections sociales*» и «*L'Asie*»), Муке и др.; онъ мотивированъ чисто теоретическими соображеніями въ небольшой работѣ Талькотъ Вильямса (*Was primitive man a modern savage?*); единственную, извѣстную намъ, попытку обосновать его болѣе обстоятельно фактическимъ матеріаломъ представляетъ книга М. А. Энгельгардта «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости». Изданіе Павленкова, 1898.

ней, рабства и проч.,— стало быть, люди стали добрее, лучше, гуманнее?

Нѣтъ, они остались такими же, какъ были, или, вѣрнѣе, они стали въ среднемъ хуже, такъ какъ соціальный подборъ вообще ведетъ къ постепенному вымиранію альтруистовъ, выживанію и размноженію эгоистовъ.

Не слѣдуетъ смѣшивать коллективной эволюціи человечества (измѣненіе политическихъ и соціальныхъ формъ), обусловленной успѣхами культуры,—съ ея эволюціей въ смыслѣ переживанія однихъ и вымиранія другихъ, отчего измѣняется составъ націи. Накопленіе знаній, опытовъ и проч., изъ поколѣнія въ поколѣніе, можетъ настолько повысить интеллектуальное развитіе человечества *), что нелѣпость и ненужность извѣстнаго учрежденія, напр., пытки, сдѣлается для него очевидной. Тогда раса (въ нашемъ смыслѣ: «лучшіе люди» націи, альтруисты), по натурѣ своей питающая отвращеніе къ пыткамъ, станетъ добиваться уничтоженія пытокъ; раса, находящая наслажденіе въ жестокости, будетъ отстаивать ихъ, несмотря на ихъ выяснившуюся нелѣпость, а тѣ промежуточные расы, которыя составляютъ главную массу каждой націи и отличаются не столько положительной жестокостью, сколько трусливымъ эгоизмомъ, въ концѣ концовъ, уразумѣвъ вредъ пытокъ, пойдутъ за лучшими. Такимъ образомъ, гнусное учрежденіе уничтожается, хотя люди остаются такими же, какъ и были. Вотъ, если бы вмѣстѣ съ уничтоженіемъ пытокъ вымерли въ Европѣ и всѣ люди, находившіе наслажденіе, удо-

*) Развитіе, а не способности. Современный гимназистъ понимаетъ то, что не было понятно Аристотелю—напримѣръ, умѣетъ пользоваться логарифмами, которыхъ Аристотель не зналъ,—но напр., въ настоящій моментъ нѣтъ во всемъ мірѣ мыслителя, который бы не былъ духовнымъ карликомъ въ сравненіи съ Аристотелемъ.

вметвореніе своей жестокости въ штыкахъ (разумѣется, вымерли вмѣстѣ съ семьями), тогда произошло бы дѣйствительное улучшение человѣчества,—то, что на ходячемъ языкѣ называется «превращеніемъ» вида изъ худшаго въ лучший (въ дѣйствительности, какъ мы уже говорили, всякое «превращеніе вида» есть измѣненіе его состава въ смыслѣ выживанія лучшихъ, вымиранія худшихъ расъ, породъ и мутацій).

То же можно сказать о всѣхъ политическихъ и социальныхъ преобразованіяхъ, совершившихся въ Европѣ въ теченіе послѣднихъ столѣтій. Общественныя формы измѣнялись, люди оставались тѣ же.

Но, могутъ сказать, зачѣмъ же вымирать вреднымъ расамъ, если можно создать такія формы общежитія, при которыхъ онѣ теряютъ возможность наносить вредъ. Пусть это сорныя травы общественнаго вертограда; но если возможно примѣнить такія способы культуры, что сорныя травы перестанутъ душить хорошія растенія, то на что ихъ выпалывать: пусть себѣ прозябаютъ.

Разсужденіе крайне обманчивое и гибельное. Нѣтъ, эти сорныя травы душатъ хорошія растенія, и пока не будутъ выполоты, никакіе методы культуры не помогутъ.

Ни одно изъ пережитыхъ Европой политическихъ и социальныхъ преобразованій, какъ мирныхъ, такъ и революціонныхъ, не сопровождалось очисткой націи отъ хищныхъ элементовъ. Лучшихъ всегда гибло больше, чѣмъ худшихъ. Въ эпоху Великой Французской Революціи погибло не мало двуногихъ скорпіоновъ, но очистка происходила хаотически, безъ системы, безъ строгаго научно-обоснованнаго плана; и въ итогѣ, кажется, полезныхъ или безвредныхъ погибло еще больше, чѣмъ вредныхъ. Такъ что въ результатѣ революціи общественныя формы измѣнились къ лучшему, составъ націи—къ худшему...

Прирожденные злецы, палачи, угнетатели, хищники, деспоты оставались и размножались,—ихъ потомство и теперь на лицо въ обновленномъ европейскомъ обществѣ. Что же отсюда проистекаетъ?

Во-первыхъ, постоянная опасность для націи. Вся эта публика, притаившись, ждетъ удобнаго момента, чтобы пустить въ ходъ свои звѣрскія наклонности. Въ случаѣ общественнаго замѣшательства она возобновляетъ нравы XVI вѣка. Напомню случаи подавленія неудавшихся революцій; напр., расправу съ Парижскими коммунарами въ 1871 году, июньскую рѣзню 1848 года, вторую имперію, взятіе Вѣны Виндшигредомъ, подвиги Гайнау въ Австрійскую революцію и проч., и проч. Даже въ «нормальное время», при малѣйшемъ общественномъ застоѣ, эта раса хищниковъ выпускаетъ когти; напомню дѣло Дрейфуса во Франціи: былъ моментъ, когда торжество французской черной сотни казалось неминуемымъ, и только страшными усиліями удалось его отклонить.

Во-вторыхъ, не находя возможности проявлять свое звѣрство въ отмѣненныхъ формахъ жестокости, хищная раса находитъ для нея новыя формы. Укажу, напр., ужасающій тюремный режимъ, съ утонченными моральными (иногда, впрочемъ, и физическими) пытками, въ европейскихъ тюрьмахъ; на казарменный бытъ; на современную торговлю женщинами (проституція и дома терпимости); на массу злоупотребленій и напастей, результатомъ которыхъ является гибель и страданія ни въ чемъ неповинныхъ людей (примѣромъ можетъ служить хотя бы упомянутое дѣло Дрейфуса: человекъ-то измучили все-таки!), на легальные способы сживанія со свѣта лучшихъ людей, ради вѣщаго торжества худшихъ (иллюстраціей можетъ служить Докторъ Штокманъ—Ибсена).

Въ третьихъ, эта хищная раса является камнемъ преткновенія для дальнѣйшихъ успѣховъ націи. Ея хищности,

жестокости и эгоизму современная Европа обязана тѣмъ, что, несмотря на всѣ преобразованія, можно серьезно поставить вопросъ: точно ли народу живется теперь лучше, чѣмъ въ прежніе вѣка? Она находитъ новыя и новыя формы эксплуатаціи слабыхъ, благодаря которымъ всѣ улучшения оказываются бумажными, не реальными. О ея хищность, жестокость, эгоизмъ разбиваются всѣ попытки дальнѣйшихъ улучшеній. Если бы предыдущія преобразованія сопровождались очисткой націи отъ прирожденныхъ черносотенцевъ, теперь въ составѣ націй остались бы только лучшіе люди, альтруисты, и средніе, эгоистическіе, слабые, но не хищные элементы. При такомъ составѣ націи осуществленіе идеальнѣйшаго политическаго и соціальнаго строя не представило бы ни малѣйшихъ затрудненій. Но онъ вѣчно отодвигается въ даль, и не потому, что надъ націями тяготѣетъ фатумъ недостаточно разившихся экономическихъ или иныхъ формъ, которыхъ не въ силахъ перескочить воля людей,—а гораздо проще: потому что раса хищниковъ, которой благопріятствуетъ соціальный подборъ, держитъ въ своихъ когтяхъ расу альтруистовъ. Она готова пустить въ ходъ всѣ средства, чтобъ сохранить режимъ эксплуатаціи. Начнись теперь въ Европѣ серьезное соціалистическое движеніе (въ смыслѣ попытки къ фактическому осуществленію новаго строя, а не одной только проповѣди соціалистическихъ идей, осуществленіе которыхъ откладывается на неопредѣленный срокъ),—вы думаете, не повторятся тамъ кровавыя расправы съ самыми средневѣковыми звѣрствами? Мы и тамъ увидимъ кровавыя бани въ стилѣ гунновъ или истинно-русскихъ людей. Последнее движеніе во Франціи и не мечтало о соціалистическомъ преобразованіи (всѣ мечтанія сосредоточиваются на 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ), а кровь уже пролилась! А прибалтійскіе бароны... вѣдь они Европа, эти «wir Balten», гордящіеся своей культурой и разстрѣливающіе

латышскихъ дѣтей! А поведеніе европейцевъ въ Африкѣ, европейскихъ войскъ въ Китаѣ во время послѣдняго возстанія боксеровъ!

И именно социалистическое преобразование общества оказывается невозможнымъ, благодаря существованію этихъ хищныхъ расъ. Они еще могутъ примириться съ болѣе вышними преобразованиями политическихъ формъ и гражданскихъ правоотношеній, потому что эти преобразования не затрагиваютъ главнаго—механизма эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Этотъ механизмъ эксплуатаціи не только не разрушается, но скорѣе совершенствуется, онъ даетъ возможность хищникамъ по прежнему выжимать массы и властвовать надъ ними, а слѣдовательно, не устраняетъ хищниковъ, а оставляетъ ихъ въ покоѣ на насиженныхъ мѣстахъ.

Но социалистическая организація общества должна устранить хищниковъ. Она разрушаетъ самый механизмъ эксплуатаціи. Она требуетъ новыхъ людей. «Въ социалистическомъ обществѣ не должно быть противоположности интересовъ» (Бebelъ). Шутка сказать,—не должно быть противоположности интересовъ, не говоря уже о враждѣ! Этимъ социалистическое преобразование кореннымъ образомъ отличается отъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ.

Оно не является новымъ звеномъ въ той цѣпи преобразованій,—нѣтъ! оно является разрывомъ цѣпи, скачкомъ въ новый міръ. Всѣ бывшія до сихъ поръ преобразования не затрагивали «bellum omnium contra omnes», «войны всѣхъ противъ всѣхъ»,—они только измѣняли условія этой войны. Ихъ можно сравнить съ тѣми международными конвенціями о веденіи войны, которыя запрещаютъ стрѣлять по красному кресту, истреблять мирное населеніе и т. д.; но не устраняютъ самой войны, взаимнаго истребленія людей... А социалистическое преобразование можно сравнить съ всеобщимъ

разоруженіемъ, прекращеніемъ войнъ, водвореніемъ «вѣчнаго мира».

Такое преобразование связано съ глубокимъ измѣненіемъ внутреннихъ, интимныхъ отношеній между людьми, которое не мыслимо безъ измѣненія самой природы людей, но людская природа не мѣняется... Въ каждой социальной ячейкѣ, въ каждой общинѣ, въ каждой группѣ должны водвориться отношенія дружбы и взаимнаго служенія, вмѣсто отношеній соперничества и взаимнаго выживанія. На такое самоотреченіе, равносильное самоуничтоженію, хищныя расы не пойдутъ, не могутъ пойти, потому что надъ своей природой никто не властенъ. Представьте себѣ, что негру предлагаютъ сдѣлаться бѣлымъ: «пусть твоя кожа станетъ свѣтлой, волосы гладкими и прямыми, лицо бородатымъ, носъ узкимъ и тонкимъ» и т. д. При всемъ желаніи онъ бы не могъ исполнить такого требованія.

Но свойства моральныя въ дѣйствительности вѣдь тоже физическія: въ основѣ ихъ лежатъ свойства нервныхъ элементовъ. И потому предлагать хищнымъ расамъ отказаться отъ своей хищности—все равно, что предлагать негру «отказаться» отъ черной кожи. Они не могутъ этого сдѣлать, и конфликтъ можетъ разрѣшиться только уничтоженіемъ той или другой стороны.

Въ четвертыхъ, сохраненіе, выживаніе и размноженіе хищниковъ ведетъ къ постепенному ухудшенію состава націй. Мы имѣемъ въ виду тотъ повседневный житейскій процессъ борьбы за существованіе, въ которомъ эгоизмъ, жестокость и хищность являются благопріятными условіями, а самоотверженіе и самопожертвованіе неблагопріятными. Не вездѣ этотъ процессъ такъ ярко и откровенно выраженъ, какъ въ Россіи, гдѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе происходитъ систематическое выпалываніе лучшихъ и подборъ худшихъ; гдѣ

великодушные, честные и самоотверженные гибнуть въ революціонной борьбѣ, въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, а жестокіе, подлые и хищные благоденствуютъ, плодятся и множатся. Не вездѣ онъ такъ ясно выраженъ, но вездѣ онъ имѣетъ тотъ же характеръ. Соціальный подборъ наиболее приспособленныхъ не есть подборъ лучшихъ. Житейскому успѣху способствуетъ эгоизмъ, а въ особенности хищность, жестокость, готовность ради лишняго рубля морить людей голодомъ, ради крестива или повышенія по службѣ рѣзать и разстрѣливать дѣтей и женщинъ... Этотъ процессъ повседневнога, житейскаго соціальнаго подбора худшихъ и вымиранія лучшихъ скрытъ отъ непосредственнаго наблюденія другимъ, упомянутымъ выше, процессомъ, «коллективной эволюціи», благодаря накопленію знаній. Пока есть еще даровитые, способные къ инициативѣ и творчеству элементы, пока есть элементы великодушные и самоотверженные, способные къ борьбѣ за общее благо, до тѣхъ поръ нація прогрессируетъ, несмотря на постепенное ухудшеніе ея состава. Но, разумѣется, этотъ процессъ не можетъ длиться неопредѣленно долгое время: въ концѣ концовъ лучшіе вымираютъ начисто, альтруистическія расы исчезаютъ, остаются только хищныя и среднія, и развитіе націи останавливается. Этимъ, вѣроятно, и объясняются разложеніе и застои, которыми кончали всѣ прошлыя культуры.

Здѣсь мы не можемъ подробно останавливаться на этомъ вопросѣ; это завело бы насъ слишкомъ далеко. Но все же считаемъ нужнымъ подчеркнуть необходимость строжайшаго различенія двухъ одновременныхъ и параллельныхъ историческихъ процессовъ: въ этомъ различеніи ключъ къ пониманію исторіи человѣчества. Эти процессы:

а) Коллективная эволюція — путемъ накопленія знаній (опытовъ, идей, понятій и проч.), передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и обуславливающихъ видимый

прогрессъ человѣчества, то, что мы называемъ успѣхами культуры, развитіемъ цивилизаціи: люди становятся развитѣе, образованнѣе, увеличиваютъ свою власть надъ природой, изобрѣтаютъ улучшенныя формы общежитія *), — но они не становятся умнѣе, даровитѣе и лучше. Мы далеко ушли въ успѣхахъ культуры отъ классической Греціи, но врядъ ли кто рѣшится утверждать, что средній европеецъ выше средняго эллина по способностямъ. Мало того, новѣйшія изслѣдованія приводятъ къ довольно грустному заключенію, что средній объемъ черепа, а слѣдовательно, и средняя величина мозга не возрастаютъ, а уменьшаются съ доисторическихъ временъ до настоящей эпохи **). Какъ примирить это ухудшеніе типа, это измѣненіе къ худшему состава человѣчества, съ видимыми успѣхами культуры? Объясненіе даетъ намъ:

в) Эволюція путемъ подбора, т. е. вымираніе наименѣе приспособленныхъ, выживаніе и размноженіе наиболее приспособленныхъ, — процессъ болѣе скрытый, не такъ бросающійся въ глаза, потому что онъ заслоненъ отъ наблюденія первымъ (коллективной эволюціей). Этотъ процессъ совершался и совершается въ смыслѣ ухудшенія состава человѣчества. Въ сферѣ интеллектуальной онъ благопріятствуетъ не людямъ высшихъ способностей, одаренныхъ творческимъ

*) Последнее опять-таки требуетъ оговорки. пытки, свирѣпныя казни, деспотическія общественныя организаціи, рабство и т. п. явились плодомъ культуры и развивались, а не убывали вплоть до XVI—XVII стол. нашей эры. Каннибализмъ развился у тѣхъ народовъ, которые знали это учрежденіе, на довольно поздней стадіи культуры. Только въ послѣдніе 2—3 стол. нарастаніе интеллектуальнаго капитала человѣчества достигло такихъ размѣровъ, что явилась возможность убѣдить людей отказаться отъ ненужныхъ формъ жестокости.

**) Ср. М. Энгельгардтъ. Подборъ малоголовыхъ въ исторіи человѣчества. «Новости», 1902 г. № 1-й.

даромъ и инициативой, а людямъ «практическаго типа», цѣпкой посредственности, рутинерамъ, умѣющимъ использовать съ выгодой уже разработанныя идеи, открытія, изобрѣтенія, тѣмъ неизменнымъ умамъ, которые не думаютъ о новомъ, а сосредоточиваются на использованіи стараго ради своей утробы. Человѣкъ, всѣ умственныя способности котораго сосредоточены на стяжаніи, наживѣ, полученіи доходовъ, беретъ верхъ надъ тѣмъ, кто не въ силахъ сосредоточиться на такихъ неизменныхъ цѣляхъ,—не въ силахъ, такъ какъ самая высота способностей влечетъ его къ болѣе возвышеннымъ, болѣе отвлеченнымъ, но не «хлѣбнымъ» вопросамъ. Это наблюдается во всѣхъ слояхъ общества: какъ деревенскій богачь-кулакъ далеко не умнѣйшій и не даровитѣйшій, а, наоборотъ, нерѣдко одинъ изъ самыхъ тупыхъ и ограниченныхъ крестьянъ, берущій лишь тѣмъ, что всѣ его мечты и помысленія, вся работа мозга, на которую только онъ способенъ, дено и ношно направлена на изысканіе способовъ наживы,—такъ и на верхахъ общества промышленные «короли», Морганъ, Вандербильты, Штуммы etc. поражаютъ своей ограниченностью, узостью, слабымъ развитіемъ и духовной нищетой бездарностью и бесплодіемъ во всемъ, кромѣ искусства наживать деньги *).

Изъ массы дѣтей, которая въ данный моментъ сущест-

*) «Недостатокъ оригинальности вездѣ во всемъ мірѣ, споконъ вѣка, считался всегда чернымъ качествомъ и лучшей рекомендаціей человѣка дѣльнаго, дѣловаго и практическаго... Нѣкоторая тупость ума, кажется, есть почти необходимое качество, если не всякаго дѣятеля, то, по крайней мѣрѣ, всякаго серьезнаго наживателя денегъ» (Достоевскій—Идіотъ, ч. III, гл. I). Не то же ли говорилъ Геккель, замѣчая: «естественный подборъ вездѣ способствуетъ развитію типовъ практическихъ въ ущербъ идеальнымъ» (*Generelle Morphologie*, II, 262).

вуеть въ націи,—какія имѣють больше шансовъ преуспѣть въ жизни, устроиться благополучно и оставить болѣе или менѣе многочисленное потомство? Тѣ, которыя обладаютъ наибольшими способностями къ приспособленію и подлаживанію—золотая середина, цѣпкая посредственность молчалинскаго типа, и тѣ, которыя обнаруживаютъ наибольшую охоту и склонность, оставивъ въ сторонѣ «отвлеченности», предаться стязательнымъ задачамъ,—т. е. умы низшаго ранга. Напротивъ, пристрастіе къ «отвлеченностямъ», т. е. высшія интеллектуальныя способности являются невыгоднымъ для житейскаго успѣха условіемъ, особливо въ бѣднѣйшихъ слояхъ народа: такимъ образомъ, дѣти съ высшими интеллектуальными задатками систематически гибнутъ, выбираясь наверхъ развѣ случайно, тогда какъ дѣти съ низшими задатками, «практическаго типа», преуспѣваютъ.

Такимъ образомъ, въ интеллектуальной сферѣ соціальныи подборъ есть подборъ посредственности,—и притомъ наследственной посредственности, такъ какъ если человѣкъ «практическаго типа» не передастъ своего интеллектуальнаго склада потомству, то оно и не сохранитъ за собой выгоднаго положенія. Иными словами, это подборъ, благопріятствующій выживанію низшихъ, вымиранію высшихъ интеллектуальныхъ расъ.

На эту роль подбора въ человѣческомъ обществѣ справедливо указывали противники такъ назыв. «буржуа-дарвинистовъ», т. е. тѣхъ сторонниковъ буржуазнаго режима (Геккель, Спенсеръ, Циглеръ, Тилле, Флоуэръ и др.), которые высказывались противъ социализма на томъ основаніи, что-де соціальныи подборъ въ борьбѣ за лучшіе куски и теплыя мѣста, сопровождаясь выживаніемъ «лучшихъ» (наиболѣе приспособленныхъ) и вымираніемъ «худшихъ» (наименѣе приспособленныхъ), ведетъ къ улучшенію націи... Имъ возражали вполне основательно (Лафаргъ, Уоллесъ, Шефле и др.), что «лучшіе»

въ смыслѣ способности къ приспособленію есть именно цѣпкая посредственность, умы низшаго типа, такъ какъ люди, одаренные высшими духовными способностями, весьма рѣдко обнаруживаютъ склонность «приспособляться». Но авторы этихъ возраженій сами не оцѣнили всей ихъ силы: не замѣтили, что эти возраженія отнюдь не отрицаютъ важности подбора въ исторіи человечества, а, напротивъ, придаютъ ему громадное значеніе,—только въ смыслѣ совершенно обратномъ тому, который признаютъ за нимъ «буржуа-дарвинисты». Подборъ ведетъ къ вымиранію высшихъ, выживанію низшихъ и посредственныхъ интеллектовъ.

Въ прошлыя времена, когда гевій въ родѣ Кеплера вынужденъ былъ добывать нищенскій кусокъ хлѣба составленіемъ гороскоповъ для знатныхъ милостивцевъ, а Шекспиръ бился всю жизнь, чтобы получить подъ старость возможность сноснаго существованія, когда, кромѣ того, человекъ, одаренный духомъ творчества и инициативы, имѣлъ всѣ шансы погибнуть въ качествѣ «еретика», «вольнодумца», и т. д.,—въ прошлыя времена этотъ процессъ вымиранія высшихъ и подбора посредственностей дѣйствовалъ еще систематичнѣе, чѣмъ нынѣ, когда талантъ ученаго, изобрѣтателя, поэта, художника и проч. могутъ доставить своему обладателю средства къ жизни и иногда богатство *).

*) Но это замѣненіе къ лучшему условій соціального подбора въ интеллектуальной сферѣ нейтрализуется усиленіемъ конкуренціи, принявшей истинно-бѣшеный характеръ при капиталистическомъ режимѣ, и оказывающей на нервную систему такое вліяніе, что въ современномъ обществѣ наблюдается систематическое вымираніе высшихъ интеллектуальныхъ элементовъ: по крайней мѣрѣ къ этому выводу приходятъ сами поклонники и защитники буржуазнаго порядка. (Ср. Otto Ammons, Die Gesellschaftsordnung. Dr. Aufl. Th. I, § 29).

Но всего опредѣленнѣе дѣйствіе этого процесса въ моральной сферѣ. Тутъ онъ рѣшительно благопріятствуетъ хищникамъ и эгоистамъ и безпощадно выпалываетъ самоотверженныхъ альтруистовъ. Думаю, что это положеніе не вызоветъ спора: слишкомъ ужъ очевидно для всякаго, обладающаго хоть небольшимъ житейскимъ опытомъ, что хищность и эгоизмъ гораздо болѣе благопріятныя условія успѣха въ житейской борьбѣ, чѣмъ высокія моральныя качества. И въ этомъ случаѣ, подборъ благопріятствуетъ только выживанію и размноженію прирожденныхъ, наслѣдственныхъ хищниковъ, передающихъ свои качества потомству.

Какъ мы уже замѣтили, въ различеніи этихъ двухъ процессовъ: 1) коллективной эволюціи и 2) эволюціи путемъ подбора—ключъ къ пониманію исторіи. Нація движется впередъ въ силу накопленія знаній (коллективная эволюція). Но изъ состава ея постепенно выбываютъ лучшіе въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ (эволюція путемъ подбора). Въ теченіе извѣстнаго времени оба эти процесса могутъ дѣйствовать рядомъ, и мы наблюдаемъ успѣхи культуры, не замѣчая параллельнаго ухудшенія состава націи. Нація прогрессируетъ въ смыслѣ коллективнаго развитія, но прогрессируетъ въ смыслѣ состава, въ смыслѣ подбора расовыхъ элементовъ. Наконецъ, вымираютъ всѣ лучшіе—всѣ высшіе интеллектуально и морально элементы—остается только посредственность и ничтожество. Тогда прекращается и процессъ дальнѣйшей коллективной эволюціи, дальнѣйшаго наращиванія духовнаго капитала, потому что некому его наращивать, остались только люди, лишеныя творческаго дара. Происходитъ или остановка и заоченѣніе, мумификація культуры (Китай, Индія, Персія и др.), если подборъ благопріятствовалъ, главнымъ образомъ, среднему человѣку: цѣпкой, эгоистической посредственности; или разложеніе, «распыленіе»

общественнаго организма, если подборъ благопріятствовалъ, главнымъ образомъ, морально худшимъ расамъ, хищникамъ, не способнымъ даже на ту минимальную степень симпатіи къ ближнимъ и элементарнаго патриотизма, безъ которыхъ общество не можетъ существовать (древняя Греція, Римъ, Карфагенъ). Весьма возможно, что къ этому послѣднему типу принадлежитъ Россія. У насъ подборъ благопріятствовалъ людямъ безъ чести, безъ совѣсти, сладострастно-жестокимъ, подлымъ и лживымъ. Послѣдніе два года обнаружили въ нашей странѣ невѣроятное количество двуногихъ звѣрей. Когда вы идете по улицѣ, сидите въ театрѣ, занимаетесь въ своей квартирѣ,—вы чувствуете вокругъ себя этихъ гадовъ, готовыхъ по первому знаку терзать васъ, пытать, истязать.

На эту многочисленную *) стаю опирается наша бюрократія, состоящая изъ представителей той же расы. Кромѣ отсутствія человѣческихъ чувствъ, эта публика характеризуется отсутствіемъ элементарнаго патриотизма, любви къ родинѣ. Позорная война съ Японіей, разореніе страны, унижительныя отношенія къ европейскимъ государствамъ, перспектива иностраннаго вмѣшательства—все это ей какъ съ гуся вода. Она сама готова продать отечество, заложить его иностранцамъ, въ случаѣ крайности даже подѣлать съ нѣмцами и австрійцами. Бутылка водки и двугривенный, или казенныя объявленія и субсидіи, или министерскіе оклады, имѣнія, аренды—этимъ и возможностью самодурствовать по всей своей волѣ исчерпываются идеалы разныхъ категорій представите-

*) Въ Москвѣ во время выборовъ въ Гос. Думу «правыхъ» (Союзъ Русскихъ людей и др.) оказалось 5 процентовъ. Имѣя въ виду, что въ настоящее время въ этой группѣ уже нѣтъ «темныхъ», не понимающихъ людей, а исключительно прирожденные негодяи, и принимая эту цифру (5 проц.) какъ среднюю для Россіи, получимъ 7.500.000 людей, готовыхъ на всякую гнусность.

лей этой расы. Правда, есть въ нашей странѣ элементы совершенно противоположнаго свойства. Но вполнѣ возможно, что они будутъ начисто истреблены: планы въ этомъ смыслѣ довольно откровенно обсуждаются на собраніяхъ истинно-русскихъ людей.

Но мы отклонились отъ темы. Такъ какъ этотъ процессъ вымиранія лучшихъ длится и нынѣ, такъ какъ и въ теченіе послѣдняго столѣтія и въ современномъ обществѣ хищныя расы выживаютъ и размножаются, а альтруистическія вымираютъ, то социалистическое преобразование общества, требующее устраненіе хищниковъ—чего не требовали всѣ бывшія до сихъ поръ преобразования—становятся все труднѣе и труднѣе, несмотря на распространеніе социалистическихъ воззрѣній.

Вотъ послѣдствія сохраненія и размноженія хищниковъ. Они останутся и въ будущемъ обществѣ, если преобразование не соединится съ очисткой человечества (допуская на минуту, что оно удастся и безъ этого въ моментъ революціоннаго подъема). Раса хищниковъ также нависнетъ надъ нимъ постоянной опасностью, готовая воспользоваться первымъ моментомъ неурядицы, усталости, апатіи; такъ же найдетъ новыя формы для проявленія своей жестокости; такъ же воспользуется слабыми сторонами общественной организаціи (потому что совершенной организаціи, безъ слабыхъ сторонъ, не можетъ быть) для злоупотребленій и хищничества; такъ же будетъ стоять поперекъ дороги дѣйствительнымъ, внутреннимъ улучшеніямъ человѣческихъ отношеній; такъ же будетъ ухудшать составъ націи... Впрочемъ, объ этомъ, пожалуй, не стоитъ и разсуждать, такъ какъ пока эта раса на лицо, самое преобразование общества въ социалистическомъ смыслѣ невозможно. Надежды на то, что могутъ быть какія бы то ни было общественныя формы, при которыхъ хищные и альтру-

истинческіе элементы будутъ уживаться мирно, связанные солидарностью, — это грезы о millennium'ѣ, о золотомъ вѣкѣ, когда волкъ и барашекъ будутъ дружелюбно щипать травку на одной лужайкѣ. Онѣ лишены всякой научной основы и опираются только на архаическое представленіе о моральной природѣ человека.

III.

Быть можетъ, намъ слѣдуетъ сказать еще два слова о томъ, что такое раса. Расовые признаки — это признаки, общіе группѣ организмовъ и при томъ «прирожденные», т. е. обусловленные свойствами зародышевой плазмы, изъ которой развивается организмъ, и потому наследственные *).

Такова, напр., кожа негра, опредѣленная уже свойствами зародышевой клѣтки, изъ которой развивается негръ, и передающаяся его дѣтямъ.

Прирожденнымъ признакамъ противопоставляются признаки «приобрѣтенные» индивидуумомъ въ теченіе его индивидуальной жизни, не затрагивающіе его зародышевыхъ клѣтокъ и

*) Новая зародышевая плазма отщепляется отъ старой уже тотчасъ послѣ зачатія и затѣмъ остается, развивается и размножается въ тѣлѣ развивающагося организма, какъ самостоятельное существо, независимое отъ тѣла, происхожденія котораго, приобретенныя въ теченіе жизни индивидуума, ей не передаются, почему и не наследуются, или (чтобы точнѣе формулировать результатъ продолжительнаго спора между вейсманистами и ламаркистами), если и обнаруживаютъ тенденцію къ унаслѣдованію, то крайне медленному по истеченіи десятковъ или сотенъ поколѣній. Практически, съ точки зрѣнія разбираемаго нами вопроса, такая медленная, обнаруживающаяся лишь черезъ тысячи лѣтъ, наследственность приобретенныхъ признаковъ, очевидно, равносильна отсутствію наследственности.

потому не наследственные. Такова, напр., темная кожа европейца, загорѣвшаго подъ знойными лучами тропическаго солнца: этотъ признакъ можетъ исчезнуть у пріобрѣтшаго его индивидуума, ежели послѣдній переселится въ умѣренный климатъ; и во всякомъ случаѣ онъ не передается по наследству, хотя бы ребенокъ родился тамъ же подъ тропиками отъ загорѣвшихъ, какъ самогъ, родителей.

Вотъ и въ области моральныхъ свойствъ—тоже. Есть люди съ врожденными свойствами жестокости, хищности, подлости и т. п.; есть люди, у которыхъ дурныя нравственныя свойства «пріобрѣтены» подъ вліяніемъ ожесточенія, озлобленія, преслѣдованія и пр.). Послѣдніе не опасны для общества: они и сами могутъ отрѣшиться отъ своихъ отрицательныхъ свойствъ, и во всякомъ случаѣ не передаютъ ихъ по наследству. Они не представляютъ расы хищниковъ или злодѣевъ.

Но первые есть именно раса, въ томъ самомъ смыслѣ, какъ мы говоримъ о негрской и др. расахъ. Только эти моральныя расы не совпадаютъ, не покрываются физическими; изучая физическіе, доступные внѣшнему наблюденію признаки людей, мы находимъ въ составѣ данной націи нѣсколько расъ; изучая ихъ моральныя признаки, обусловленные еще недоступными опредѣленію особенностями центральной нервной системы (тоже опредѣляемой уже свойствами зародышевой клѣтки), мы также находимъ въ составѣ данной націи нѣсколько расъ, но первыя, физическія, совершенно не совпадаютъ со вторыми, моральными. Я особенно подчеркиваю это и прошу читателя какъ можно отчетливѣе усвоить эту истину, во избѣжаніе недоразумѣній. Нѣтъ дурныхъ и хорошихъ расъ—если понимать расы въ смыслѣ современной антропологіи, т. е. въ смыслѣ физическихъ расъ. Антропологи школы Лапужа и Аммона, пытающіеся раз-

личать хорошія («эвгеническія») или, вѣрнѣе, хорошую (такъ какъ они признають таковой одну лишь арійскую, или «германскую» расу: бѣлокураго европейскаго долихоцефала) и плохія расы, дѣлають грубую ошибку и впадаютъ въ абсурднѣйшія противорѣчія *) именно потому, что пытаются съ абсолютными физическими различіями связать абсолютныя же различія моральныя и интеллектуальныя.

Но мы найдемъ эти дурныя и хорошія расы, если станемъ изучать и классифицировать людей съ точки зрѣнія ихъ нравственныхъ свойствъ, оставивъ въ сторонѣ антропологическій типъ. Новая школа криминалистовъ (Ломброзо, Ферри, и др.) показала, что существуютъ дѣйствительно прирожденные, наследственные преступники, расы людей, обладающихъ неисцѣлимой жестокостью, кровожадностью, эгоизмомъ и т. п. Только въ составъ одной и той же моральной расы входятъ безразлично негры, европейцы, папуасы: люди разныхъ антропологическихъ расъ могутъ быть одинаковаго моральнаго типа. Ломбровская школа пыталась классифицировать эти моральныя расы, установить нѣсколько типовъ или разновидностей. Разумѣется, эта классификація крайне далека отъ полноты и совершенства,—не мудрено: напомнимъ, что и классификація физическихъ расъ, изучаемыхъ уже болѣе ста лѣтъ, если считать со временъ Blumenbacha, еще крайне хаотична.

*) Наша читающая публика почти не знакома съ этой школой и ея мрачными выводами. Наиболѣе послѣдовательный и сильный представитель школы, Ваше-де-Лапужъ, не переведенъ на русскій языкъ. Главныя труды О. Аммона (жалкаго теоретика, но хорошаго фактическаго исследователя) тоже кажется не переведены. Имѣется переводъ книги Вольтмана («Политическая антропология») — автора мало самостоятельнаго. Изъ популярныхъ изложеній мы можемъ указать статьи Л. Винарскаго въ «Научномъ Обзорѣніи» 1900 г. №№ 1—2 и Энгельгардта (изложеніе и критика выводовъ антропосоціологіи) въ «Новостяхъ» 1901 г.

Но самый фактъ отъ этого не колеблется. Напримѣръ, къ числу прирожденныхъ, наследственныхъ преступниковъ принадлежать, по Крафтъ-Эбингу, всѣ садисты, т. е. противостественные развратники, половое сладострастіе которыхъ удовлетворяется лишь въ томъ случаѣ, если актъ совокупленія сопровождается истязаніемъ насилуемой жертвы. Любопытно изслѣдованіе Юргера о семьѣ Зеро: цѣлый рядъ поколѣній этой семьи состоялъ изъ негодяевъ, воровъ и пр., многихъ пробовали брать въ дѣтствѣ въ хорошія семьи или пансіоны, — и ничего не выходило: подростки, они убѣгали и принимались за преступленія.

Классификація моральныхъ расъ и потому не можетъ быть полной, что Ломбрововская школа имѣла и имѣетъ дѣло лишь съ незначительной частью прирожденныхъ преступниковъ, той именно, которая входитъ въ составъ осужденныхъ за уголовныя преступленія *). Но эта группа отличается, кромѣ преступныхъ наклонностей неспособностью къ дрессировкѣ, къ дисциплинѣ, неумѣніемъ вложить свою преступность въ формы, разрѣшаемыя государствомъ. И именно потому она наименѣе опасна: социальный подборъ не благопріятствуетъ ея выживанію.

Гораздо опаснѣе и многочисленнѣе тѣ расы прирожденныхъ преступниковъ, у которыхъ жестокость, хищность, подлость и эгоизмъ соединяются съ способностью къ извѣстной дрессировкѣ, позволяющей имъ воздерживаться отъ неразрѣшенныхъ

*) Въ составъ уголовныхъ преступниковъ входитъ извѣстный процентъ прирожденныхъ. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ обратнаго, т. е. что всякій уголовный преступникъ-прирожденный. Напротивъ, большинство ихъ — люди съ хорошими или, по крайней мѣрѣ, безъ сильно выраженныхъ дурныхъ задатковъ, пошедшіе на преступленіе подъ вліяніемъ житейскихъ бѣдъ или пріобрѣтшіе преступныя наклонности въ силу жизненныхъ условій.

формъ преступности. Это раса Аврамовыхъ и Ждановыхъ, Грингмутовъ и Крушевановъ и проч., и проч.

Ея социальный подборъ благоприятствуетъ, такъ какъ свойства хищности эгоизма и бездушія способствуютъ житейскому успѣху.

Хищническая раса (или расы), неизмовѣрно размножившаяся въ особенности въ нашей злополучной странѣ, гдѣ режимъ самодержавія представилъ для нея исключительно благоприятныя условія, всегда брала и беретъ верхъ надъ альтруистической расой (или расами) въ повседневной борьбѣ за существованіе. Она грозитъ гибелью человѣчеству, если не погибнетъ сама... Бывають, однако, моменты—моменты великихъ революцій—когда лучшіе берутъ верхъ; и если бы они умѣли пользоваться этими моментами, человѣчество было бы спасено отъ грозящей ему гибели, уже постигшей многіе народы. Но сантиментальность, ложная гуманность, а главное совершенно превратныя представленія о моральныхъ свойствахъ человѣка до сихъ поръ мѣшали имъ пользоваться своей побѣдой для очистки человѣчества...

На этомъ мы и покончимъ. Я предвижу рядъ вопросовъ: кто же бы могъ заняться очисткой: вѣдь именно человѣчность мѣшаетъ лучшимъ взять на себя такую работу? Гдѣ критерій для различенія «прирожденныхъ» и «приобрѣтенныхъ» моральныхъ свойствъ? и т. д. и т. д. На всѣ эти вопросы практическаго свойства я могъ бы дать обстоятельный отвѣтъ, но мнѣ кажется, обсуждать практическую сторону дѣла пока еще несвоевременно.

Мнѣ хотѣлось только формулировать общее положеніе, о которомъ, кажется, пора уже подумать. Логика неумолима; принявъ извѣстныя послылки, нельзя избѣжать соответственныхъ выводовъ. А послылка, незыблемо установленная современной наукой, такова: въ составѣ каждой націи существуетъ

раса прирожденных злодѣевъ, которымъ, собственно, нельзя даже дать названіе «человѣкъ», «homo sapiens», а слѣдовало бы придумать какое-нибудь другое—«genpenkampfus pecator», «gimancus ferox», или что нибудь въ этомъ родѣ,—раса гораздо болѣе опасная, чѣмъ такъ назыв. «прирожденные преступники» (уголовные), такъ какъ эти послѣдніе вслѣдствіе своей неспособности удержаться отъ «недозволенныхъ» преступленій, гибнуть, тогда какъ первые съ свирѣпостью, хищностью и подлостью соединяютъ способность къ извѣстной дрессировкѣ, обезпечивающую имъ благополучіе,—расы, которыя дѣлаютъ невозможнымъ осуществленіе справедливыхъ и гуманныхъ отношеній между людьми,—расы, которыя ведутъ народы къ гибели...

Въ особенности съ точки зрѣнія социализма существованіе такихъ расъ представляетъ неодолимое препятствіе къ мирному водворенію новаго строя, потому что всѣ другія преобразованія, не затрагивавшія механизма эксплуатаціи, могли быть приняты и допущены хищниками,—преобразование же социалистическое требуетъ отъ нихъ самоуничтоженія...

Къ сожалѣнію, современная социальная наука—точнѣе, ея наиболѣе популярныя теоріи—упускаетъ изъ вида, что въ основѣ развитія человѣчества лежатъ биологическіе законы,—что человѣчество есть одинъ изъ видовъ (быть можетъ, правильнѣе было бы сказать: группа видовъ) животнаго царства, подчиненная закону развитія органическаго міра: естественному подбору въ борьбѣ за существованіе; и если дѣйствія этого основнаго закона въ человѣческомъ обществѣ скрыты, заслонены другими, вторичными факторами,—то онъ тѣмъ не менѣе существуетъ и, мало того, à la longue, въ концѣ концовъ, имѣетъ рѣшающее значеніе въ судьбахъ человѣчества.

